

Письма о христианском Римѣ.

Письмо первое, вступительное.

Первое письмо лучше всего начать съ первыхъ впечатлѣній. Римъ!... Трудно себѣ представить городъ болѣе сложной формаци. Для того чтобъ добраться до „Гомеровской“ Трои, археологамъ пришлось прокопаться черезъ семь городовъ, выросшихъ одинъ надъ другимъ. Въ Римѣ семь городовъ—Римъ архангелскій, Римъ республиканскій, Римъ императорскій, Римъ средневѣковый, Римъ ренессанса, Римъ барокко и Римъ современный—вросли другъ въ друга и образовали цѣлое необычайной, единственной въ мірѣ сложности. Эта сложность столь велика, что путешественники съ большой подготовкой, съ большимъ образованіемъ на первое время теряются въ Римѣ и съ уныніемъ вспоминая образъ цѣльной Флоренціи, столь легко и на вѣки входящей въ душу, жалуются, что въ Римѣ нѣтъ единства, нѣтъ „синтетическихъ“ впечатлѣній. Все какіе-то куски, огромные, гигантскіе, повороченные въ одну кучу прихотливымъ потокомъ исторіи и, чтобъ разобраться въ нихъ хорошо, вельшь, до полной ясности, нужно быть одновременно и историкомъ и археологомъ и политикомъ и философомъ и человекомъ сильнаго религіознаго чувства и цѣнителемъ природы и „эстетомъ“, равно понимающимъ архитектуру, скульптуру и живопись. Когда вы выходите изъ поѣзда на вокзалѣ Термини—васъ окружаетъ шумъ и гомонъ, правда не первостепеннаго, но все же столичнаго европейскаго города. Гремятъ трамваи, ревутъ автомобили, съ чисто итальянской скоростью несутся бициклетисты, съ чисто итальянской звучностью голоса выкрикиваются бѣгущими продавцами названія только что вышедшихъ газетъ съ самыми послѣдними извѣстіями—

а черезъ скверъ виднѣются массивныя приземистыя развалины Ціоклетіановыхъ Термъ и на первый взглядъ кажутся чѣмъ-то не настоящимъ, выдуманнѣмъ, обманнѣмъ. Вы берете извозчика, ѣдете по нескончаемымъ улицамъ современнаго Рима въ поискахъ прибѣжища—и васъ всюду встрѣчаютъ безконечныя, тяжелыя, многэтажныя дома берлинской констукціи. Становится по истинѣ тяжело, и, вспоминая съ горестью уже отшедшій и загромаженный крикливою современностью Римъ Стендаля или Гоголя, вы соглашаетесь пассивно, чтобы васъ поднимали лифтомъ на четвертый или пятый этажъ, берете насильно комнату съ „термосифономъ“ и съ паркетнымъ поломъ и только въ глубинѣ усталаго тѣла бурлитъ какой-то мятежъ противъ бездарности современныхъ итальянцевъ, и противъ универсальной наглости прогрессирующихъ въ какую-то бездну европейцевъ.

На первыхъ порахъ все не нравится въ Римѣ. Вамъ бы хотѣлось слышать чистую итальянскую рѣчь, но масса бавовыхъ шпьяншихъ нотъ и нечленораздѣльность въ произношеніи дѣлають римскую рѣчь нешосредственно-непріятной. Вы съ удовольствіемъ говорите „римлянамъ“ о несравненной прелести тосканскаго говора, но „римляне“ съ присущей имъ гордостью сейчасъ же отвѣчаютъ: „Да! но у насъ говорится: *lingua toscana nella bocca romana* 1)“. Все можетъ быть! Только уху римская рѣчь послѣ пѣвучести, простоты и наивной, трегентистской образности тосканскаго говора—явно не нравится. За ее рѣзкость и „надтреснутость“ вы интуитивно чувствуете опредѣленныя, мало симпатичныя духовныя черты. Въ Римѣ уже не встрѣтитъ высокой интеллектуальности, рѣдкой пріятливости и душевной легкости тосканцевъ. Риму чужда та *gentilezza*, которая плѣняетъ въ незабвенныхъ Ассизи, въ которой еще чувствуется обаяніе св. Франциска—у римлянъ особенно въ первое время чувствуется непросвѣтленность, душевная тяжесть, обиліе темнаго пепла отъ угасшихъ былыхъ страстей.

Всѣ эти мало пріятныя впечатлѣнія образуютъ первый пластъ, черезъ который нужно прорыться въ глубь, для того чтобы добраться до истинныхъ сокровищъ. И единственнѣмъ орудіемъ тутъ можетъ быть время. Вотъ когда по-

1) Языкъ тосканскій, въ устахъ римлянина.

занимаешь органичность и благодѣтельность времени! Дни идутъ за днями, и вы съ удивленіемъ и радостью чувствуете, что перспективы начинаютъ мѣняться, что Римъ современный постепенно разоблачается въ своей призрачной сущности, что его дешевая берлинская каменная макулатура, которую современные итальянцы называютъ *palazzi*, имѣетъ ту пріятную особенность, что черезъ нѣсколько недѣль жизни въ Римѣ вы начинаете ее просто не замѣчать, не видѣть. Въ одно прекрасное утро вы просыпаетесь въ комнатѣ съ кирпичнымъ поломъ гдѣ-нибудь на Кампо-Марціо или по близости Пьяцца-ди-Спанья и говорите себѣ: „Слава Богу, термосифоны кончились!“.

Время сдѣлало свое дѣло, прорыло верхній пластъ современнаго Рима и вы готовы теперь для новыхъ, болѣе глубокихъ впечатлѣній. Но тутъ вамъ предстоитъ еще одно испытаніе—барокко. Если вы и противъ него устоите—вы можете себя считать на порогѣ посвященія въ мистеріи Рима—у самаго входа въ полную очарованія таинственный Римъ прошлаго. Барокко совершило въ Римѣ триумфальное шествіе. На каждой улицѣ вамъ попадаются тяжелые, помпѣзные, мертвенные фасады церквей съ совершенно невѣроятной скульптурой. Святые, въ развивающихся одеждахъ, театрално молятся, театрално проповѣдуютъ, театрално жестикულიруютъ. Въ ихъ неестественныхъ позахъ вы чувствуете сразу господство іезуитовъ, триумфъ мелодраматическаго искаженія христіанства. Чувству православнаго, привыкшаго къ святой трезвости и простотѣ роднаго благочестія, ничто такъ не чуждо въ Римѣ, какъ эти позирующія фигуры святыхъ съ воздѣтыми руками и закатившимися глазами. Но время и тутъ свершаетъ свою благодѣтельную „отдѣлительную“ работу. Сама собой проводится рѣзкая грань между почтеннымъ искусствомъ барокко убирать воздушныя площади—впрочемъ первый примѣръ художественнаго убранства большихъ объемовъ пространства былъ данъ Микель-Анджело въ Пьяцца дель Камнидоліо—и между преступнымъ ужасающимъ дѣломъ іезуитско-церковной архитектуры. Вы любуетесь площадями, фронтонами и прекрасной грандіозной лѣстницей, ведущей къ Тринита ден-Монти и созданной по рисункамъ главнаго героя барокко въ Римѣ, кавалера Бернини,—и въ то же время научаетесь *sine ira et studio* проходить мимо церквей

барокко, не поднимая головы и не замѣчая скульптурно-архитектурныхъ криковъ, которыми дѣятели католической реакціи мнили расшевелить падающую религіозность католическихъ массъ.

Преодолевъ Римъ современный и Римъ барокко—вы достигаете наконецъ „пластовъ“ той необычайной, художественной, религіозной и культурно-исторической цѣнности, которая составляетъ подлинное очарованіе Рима. Передъ вами послѣдовательно встаютъ: пышный, нѣсколько холодный Римъ высокаго возрожденія; загадочный и столь привлекательный Римъ самаго ранняго ренессанса съ иконною живописью, съ великолѣпными мозаиками и съ чудесными кьостро—дѣломъ почти безвѣстныхъ поколѣній „римскихъ мраморщиковъ“, *marmai romani*;—Римъ стариннѣйшихъ въ мірѣ христіанскихъ церквей, Римъ обширнѣйшихъ катакомбъ; наконецъ Римъ античный. Здѣсь уже почва становится священной. Нужно ступать осторожно, ибо каждый камень, каждая оставшаяся плита, на которыхъ вы натываетесь—расширяютъ вашъ кругозоръ, научаютъ тому, что нельзя найти ни въ какихъ книгахъ.

Разобраться во всемірно-исторической сложности Рима, произвести оцѣнки почти безчисленнымъ напластованіямъ эпохъ—это значить разбраться и въ такомъ огромномъ историческомъ явленіи какъ римское католичество. Въ Римѣ представлено все католичество со всѣми своими лучшими и со всѣми своими худшими сторонами—и, что важнѣе всего, представлено документально, не умѣющими лгать камнями, мозаиками, фасадами церквей, базиликами, фресками, папскими покоями. Пристально вглядываясь въ эти документы, изучая ихъ детально и по частямъ—вы занимаетесь единымъ дѣломъ осмысливанія философіи исторіи католичества. Еслибъ В. Соловьевъ прежде чѣмъ писать *La Russie et l'église universelle*—пожилъ въ Римѣ года два, онъ долженъ былъ бы увидѣть, что все богатство конкретно-религіозныхъ и материально-художественныхъ документовъ по исторіи католичества, которымъ переполняется Римъ, очень мало имѣетъ общаго съ его насильственными и безкровными схемами. Съ другой стороны, и славянофильская критика католичества, при всей ея принципіальной глубинѣ и пронизательности—въ Римѣ и, такъ сказать, на мѣстѣ спора—кажется слишкомъ

не конкретной, воздушной, не доходящей до исторической гущи, не соприкасающей съ потокомъ конкретныхъ фактовъ. Нужно спуститься къ фактамъ, къ документамъ, къ камнямъ, нужно пересмотрѣть развалины и обломки—и только тогда можетъ быть обнажена съ достаточной ясностью правда и ложь католичества.

Прежде чѣмъ приступить къ анализу и описанію различныхъ памятниковъ христіанскаго Рима—что будетъ сдѣлано въ слѣдующихъ письмахъ—я считаю нелишнимъ подчеркнуть общую ориентирующую точку зрѣнія. Когда, пріѣзжая въ Римъ, вы набрасываетесь на многочисленную литературу о Римѣ—вмѣстѣ съ благодарностью за сообщаемыя свѣдѣнія, вы испытываете разочарованіе. Вы чувствуете до боли различіе точекъ зрѣнія. Впечатлѣнія и описанія французскихъ английскихъ или нѣмецкихъ путешественниковъ васъ часто оставляютъ холоднымъ, ибо вамъ кажется, что вы читаете о какомъ-то другомъ, фантастическомъ Римѣ, а не о томъ, который уже сталъ входить въ вашу душу. Вы вездѣ чувствуете одну странную истину: Вы, русскій и православный, не можете чувствовать Римъ такъ, какъ чувствуютъ его французъ-католикъ и нѣмецъ-протестантъ, или, что еще хуже, французъ не католикъ и нѣмецъ не протестантъ. У васъ свое отношеніе къ Риму, совершенно особенное, другое. И эта особенность, это отличіе и зависятъ въ самой малой мѣрѣ отъ вашихъ личныхъ свойствъ. Онѣ обусловлены иной культурой и иной религіей. Морель, напримѣръ, испытываетъ экстазъ на форумѣ. Онъ называетъ форумъ *les buissons de marbres* и говоритъ что форуму онъ обязанъ самой значительной эмоціей въ жизни. „На форумѣ я собралъ во едино всю свою любовь къ Риму, больше—всего самого себя, свою культуру свою латинскую кровь“. Русскій никогда не можетъ повторить этихъ словъ. Наша кровь не латинская, наша культура не римская: съ форума ихъ мы ничего не получили. Мы можемъ восхищенно любоваться романтической красотой форума, живописнымъ соединеніемъ мраморныхъ развалинъ съ тонкою и воздушною зеленью вьющагося жасмина или вьющихся розъ, мы можемъ созерцать восторженнымъ окомъ художника Палатинскій холмъ съ массивно хаотическими остатками дворцовъ Цезарей,—но какъ только мы переходимъ къ историческимъ воспоминаніямъ—намъ

становится тяжело. Здѣсь почва пропитана кровью, угнетеніемъ, человѣко-божескимъ апофеозомъ государства. На изящной и тонкой аркѣ Тита запечатлѣнъ грабежъ и разрушеніе Иерусалимскаго храма и священный седьмисвѣщникъ—образъ Премудрости Божіей—кошуйственно влачится въ шествіи триумфатора. А тамъ, въ Колизеѣ—въ мѣстѣ отвратительно-кровавыхъ зрѣлищъ, гибли сотнями и тысячами звѣри, гладиаторы и христіане и тѣ самые мученики, память которыхъ священна для всякаго православнаго. Нѣтъ, форумъ для насъ никогда не станетъ умопостигаемымъ центромъ Рима, какъ это хочетъ Морель.

Но изъ этого вытекаетъ масса послѣдствій. Мы и ко всему античному Риму не можемъ отнестись съ тѣмъ восторгомъ, съ тѣмъ колѣнопреклоненіемъ, которое характеризуетъ не только француза Мореля, но и вообще всѣхъ путешественниковъ Западной Европы. Среди памятниковъ античнаго Рима мы съ особенной силой чувствуемъ свою принадлежность къ тому другому, независимому отъ Рима, культурному типу, который съ такой силой былъ названъ Тютчевымъ Европой Восточной. У насъ иная, болѣе благородная линія культурныхъ преемствъ. Корни нашей культуры восходятъ дальше античнаго Рима, погружены въ болѣе глубокія, но отдаленныя эпохи. Черезъ Византію, черезъ великихъ греческихъ отцовъ Церкви, черезъ платоническія традиціи восточнаго богословія, мы прямо и непосредственно связаны съ древней Элладой и съ той благороднѣйшей культурой по отношенію къ которой гордый и властный Римъ былъ зависящимъ ученикомъ и, по признанію самаго римскаго изъ поэтовъ, не побѣдителемъ, а побѣжденнымъ. Мы съ величайшимъ вниманіемъ, съ трепетнымъ благоговѣннымъ чувствомъ относимся къ останкамъ античнаго Рима, но при этомъ нашъ взглядъ устремленъ на Востокъ и эти останки намъ дороги больше всего, какъ отраженія Эллады, какъ болѣе сохранившіеся прозаическій переводъ величайшей, лишь отрывками намъ доступной культурно-исторической поэмы. Въ богатыхъ римскихъ музеяхъ часто приходится испытывать голодь по греческимъ подлинникамъ, и многочисленныя римскія копіи привлекаютъ наше вниманіе больше всего потому, что оригиналы утеряны и потому наши восторги относятся не къ

нимъ, а къ тѣмъ отблескамъ Фидія, Мирона, Поликлета—мастерамъ теургическаго тона—которые становятся намъ доступными благодаря высокому искусству римскихъ копировальщиковъ. Черезъ Римъ „яко зеркаломъ въ гаданин“ мы видимъ Грецію—вотъ отчего античный Римъ представляетъ для насъ вторичную и обусловленную цѣнность.

Если для русскаго непріемлемы восторги француза Мореля на форумѣ, то еще болѣе чуждо русскому самочувствію то великолѣпное, олимпийское игнорированіе христіанскаго Рима, замѣчательный примѣръ которою былъ данъ Гете. Кажется почти невѣроятнымъ,—но этотъ „язычникъ“, подобно августинцу Лютеру переживаетъ въ Римѣ неожиданный наплывъ протестантскихъ чувствъ. 2-го ноября 1786 года, т. е. на второй день своего пребыванія въ Римѣ, Гете присутствуетъ на торжественномъ богослуженіи, съ папой во главѣ, въ Квиринальскомъ дворцѣ (2-ое ноября—день всѣхъ мертвыхъ, *tutti i morti*). И вотъ, онъ испытываетъ истинно-нѣмецкій револьтъ противъ мессы. Ему хочется, чтобъ папа, оставивъ богослуженіе и превратившись въ пастора, сталъ говорить какую-нибудь поучительную проповѣдь, и т. к., естественно, этого не произошло,—Гете съ истинно-нѣмецкимъ княжничествомъ мысленно перебираетъ мѣста изъ Евангелія, въ которыхъ говорится, что Христосъ училъ и проповѣдывалъ, и наконецъ вспоминаетъ слова римскаго преданія: „Я иду второй разъ быть распятымъ. *Veni iterum crucifigi*“.—Это мѣсто было для меня лучшемъ свѣта. Мнѣ стало вдругъ ясно, что гетевское безчувствіе къ Ассизи или къ чудесамъ христіанскаго Рима питается не его язычествомъ, а его протестантствомъ. Язычникъ съ тонкими христіанскими нервами никогда бы не могъ не поддаться очарованію римскихъ мозаикъ или не восчувствовать прелести и благородства каменнаго искусства поколѣній Космати. Нѣтъ, безчувствіе Гете—въ его протестантизмѣ,—чувству православнаго оно еще болѣе далеко, чѣмъ романскіе восторги Мореля. Для православнаго, христіанскій Римъ представляетъ богатѣйшее поле вдумчиваго и глубокаго изученія, неисчерпаемый источникъ религіозно-эстетическаго наслажденія. Огромный, болѣе чѣмъ десяти-вѣковой періодъ отъ каткомовъ до искусства Космати—протекаетъ въ религіозномъ общеніи Рима съ восточнымъ православіемъ. И когда началось ухаживаніе

деніе Рима отъ единства вселенской Церкви—еще долго, въ продолженіе трехъ вѣковъ, въ католической религіозности потаенно хранились традиціи православія. Когда они изсякли и силы антицерковныя взяли верхъ,—произошла та всемірно-историческая катастрофа, которая послѣдовательно привела къ возникновенію протестантизма, къ Декарту въ области философіи, къ Галилею въ области физическихъ наукъ, къ барокко и болонцамъ въ искусствѣ, т. е. къ началу универсальнаго ниспаденія, которое называется Новымъ Временемъ. Длиннѣйшій, катастрофическій путь отъ мозаикъ и кампанилъ дуэченто барокко въ своей первой половинѣ еще полонъ христіанскихъ элементовъ, и потому христіанскій Римъ охватываетъ почти 16 столѣтій. Для русскаго онъ становится умопостигаемымъ центромъ, и его пристальное изученіе дѣлается и долгомъ православнаго и самымъ высокимъ и увлекательнымъ времепрепровожденіемъ въ Римѣ. Для того, чтобы судить о христіанскомъ Римѣ, русскіе находятся въ особенно благопріятномъ положеніи. Съ одной стороны, ихъ не давятъ романскія традиціи, и это позволяетъ съ полной свободой произвести отдѣленіе добраго отъ злого, вѣчнаго отъ преходящаго, правды отъ лжи; съ другой стороны, русскимъ чужда протестантская настроенность выплескивающая вмѣстѣ съ водою ребенка и изъ ненависти къ истинной церковности готовая зачеркнуть весь великій, подлинно-христіанскій періодъ въ исторіи Рима. Отношеніе русскіхъ къ Риму существенно-свободно и отъ романскаго идолопоклонства и отъ нѣмецкаго пристрастнаго безстрастія. И это, надѣюсь, позволитъ намъ въ слѣдующихъ писъмахъ дать новую картину христіанскаго Рима—такъ, какъ онъ рисуется намъ съ нашего родного Востока и нашему православному чувству.

В. Эрнъ.